

Министерство культуры, по делам национальностей,
информационной политики и архивного дела Чувашской Республики
Управление по делам архивов

Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
“Чувашский государственный университет имени И.Н.Ульянова”

Чувашское республиканское отделение
Российского общества историков-архивистов

АРХИВНЫЙ ВЕСТНИК ЧУВАШИИ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 1 (1)

Чебоксары - 2006

Проблемы регионального архивоведения

В.Г.Ткаченко

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИВОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Изучение истории личных архивов, совершенствование научных и методологических основ работы с этой важнейшей составной частью Архивного фонда Российской Федерации входит в число приоритетных направлений развития современного отечественного архивного дела. Это и одна из главных составляющих регионального архивоведения, поскольку в немалой степени определяет специфические черты местных информационных ресурсов. Не случайно проблемы сохранения личных архивов в последнее время волнуют и архивистов Чувашии, побуждая их к поиску новых форм работы в данном направлении¹.

Вместе с тем, вопросы комплексного изучения истории архивов личного происхождения на территории современной Чувашской Республики в научной литературе еще не ставились. Историография проблемы практически отсутствует, если не считать пока единственного комплексного обзора фондов личного происхождения Центрального госархива Чувашской АССР (ныне Государственный исторический архив Чувашской Республики), подготовленного П.Ф.Ермолаевым². Весьма обстоятельное описание документов личного архива И.Я.Яковлева было сделано В.Д.Димитриевым³. По сути это первая и, увы, также единственная научная публикация такого рода. Отдельные аспекты изучения личных фондов и архивов затрагиваются и в ряде публикаций Ю.В.Гусарова⁴. Огромная по своим масштабам работа была проделана Г.А.Александровым по

составлению путеводителя на рукописный фонд Н.В.Никольского, хранящемуся в ЧГИГН.⁵

Однако отсутствие обобщающего исследования в данной области является одним из сдерживающих факторов в научном осмыслении опыта развития архивного дела в Чувашском крае, а также в выработке практических мер по развитию этого важнейшего направления деятельности.

Цель настоящей статьи – в определенной степени восполнить этот пробел. Не претендуя на охват всего комплекса проблем в данной области, автор сделал лишь акцент на наименее известных сторонах местных архивов личного происхождения, отражающих к тому же индивидуальные черты истории регионального архивного дела.

Характер формирования личных архивов, а также состав хранимых в них документов имеет, как известно, свою особую специфику. «Накапливаясь в частных руках, как продукт частной жизни и частной деятельности либо отдельных лиц, либо целых семейств и родов, эти архивы, как правило, не наследовались государством на правах государственной собственности. После смерти того или иного обладателя архива или после прекращения той или иной фамилии или рода, их архивные материалы ожидала различная судьба. [...] В итоге всей этой разнообразной судьбы частные архивы приводились к крайнему распылению и к большим утратам»⁶. Более того, государство практически никак себя не позиционировало по отношению к такого рода собраниям документов. Это проявлялось не только в отсутствии специальных законодательных актов. Ни один из проектов реформы архивного дела в России не рассматривал их в качестве своих объектов. На них также не распространялись правительственные меры по охране архивов.

Немаловажную роль сыграло и то, что «собрание частных архивов XVIII — XIX вв. с целью обеспечения их сохранности и изучения по существу началось лишь с середины XIX в. и главным образом в пореформенный период»⁷. Данное утверждение вполне

справедливо и по отношению к территории Казанской и Симбирской губерний. Так, несмотря на то, что еще в 1842 г. в первой из них был образован архив Казанского дворянского собрания, исполнявший запросы о сословной принадлежности к дворянству и имевший вполне удовлетворительный по тем временам справочный аппарат (описи, алфавитный указатель к делам), научный интерес к местным частновладельческим архивам впервые был проявлен лишь после создания в 1878 г. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ). Выступая 19 марта 1879 г. на его публичном собрании с программной речью о планах научной деятельности, заместитель председателя ОАИЭ С.М. Шпилевский указывал: «Принятие особенных мер к приведению в известность и сохранению старинных рукописей, хранящихся в разных более или менее официальных архивах *и у частных лиц*, представляется важнейшею задачею деятельности нашего общества»⁸.

Новый всплеск интереса к фамильным дворянским архивам в крае обозначился в начале XX в. По инициативе члена губернской земской управы Д.П. Арцыбашева, обеспокоенного их судьбой, 8 марта 1903 г. было учреждено Художественно-историческое хранилище казанского дворянства, целью которого было собирание, хранение и изучение материалов по истории дворянства Казанской губернии. Однако его деятельность была недолгой и прекратилась в 1917 г.

Попытки по собиранию личных архивов были предприняты и созданной в 1916 г. Казанской губернской ученой архивной комиссией. Однако ее планам в связи с последовавшими вскоре революционными событиями не суждено было реализоваться.

На территории Симбирской губернии проявление интереса к дворянским частным архивам также было связано с деятельностью ученой архивной комиссии. В речи на ее открытии 30 июля 1895 г. главный инициатор ее создания и первый председатель В.Н.Поливанов указывал: «[...] Нам известны значительные в

губернии собрания автографов, дневников, мемуаров, неизданные поэтические произведения наших лучших писателей и древние, жалованные грамоты, хранящиеся у землевладельцев. Все это когда-нибудь увидит свет и при содействии ученой архивной комиссии сделается достоянием науки».⁹

Необходимо отметить, что именно Симбирская ГУАК, несмотря на сравнительно позднюю организацию, сумела достичь заметных результатов не только в выявлении и сохранении частновладельческих архивов местного дворянства¹⁰, но и в публикации их документов.¹¹

Однако число сохранившихся частных документальных комплексов, связанных с территорией Чувашии, составляет единицы. Немногочисленность, а также указанные выше обстоятельства, повлиявшие на сохранность архивов, затрудняют не только их изучение, но и исследование процессов, лежавших в основе их формирования.

Возникновение частновладельческих архивов на территории современной Чувашской Республики уходит корнями в глубокую древность. Все необходимые предпосылки мы наблюдаем уже в Волжской Булгарии. Этому способствовали вполне объективные причины: «Необходимость составления и хранения письменных документов возникает везде, где в результате разделения общества на классы появляются достаточно сложные формы организации хозяйства, законодательной и распорядительной деятельности государства, необходимость закрепления и охраны собственности и личного статуса представителей господствующего класса, идеологического обоснования и укрепления существующего строя»¹².

Как известно, Среднее Поволжье богато археологическими памятниками, указывающими на наличие здесь крупных феодальных хозяйств. Так, археологами зафиксированы на данной территории развалины более 70 так называемых замков феодалов, относящихся к XI – началу XII вв.¹³ Имеются такие объекты и на территории современной Чувашии. Наиболее интересным из них

является археологический комплекс близ д. Тигашево Батыревского района, включающий городище и три селища вокруг него. Он представлял собой «феодалное хозяйство, характерное для Волжской Булгарии XII веков»¹⁴. Уникальность этого археологического объекта заключается не только в его размерах. Расположенное на правом берегу старого русла реки Булы, Тигашевское городище находилось на «магистральном торговом пути из Киева в Волжскую Булгарию»¹⁵.

Право на эту землю имело для владельца чрезвычайно важное значение и должно было всячески охраняться им, причем не только силой оружия, но и соответствующими документами. Не случаен тот факт, что «прекращение жизни на городище относится к рубежу XII–XIII веков и было связано с феодальной усобицей»¹⁶. Обнаруженные здесь археологические находки свидетельствуют об обширности хозяйственной деятельности, также требовавшей определенного документирования. Известно, что «хозяйственные архивы возникали там, где приходилось распорядиться крупными материальными ценностями»¹⁷. К сожалению, документы местного феодала очевидно разделили судьбу всего его владения.

Мало что изменилось в характере формирования частновладельческих архивов и в последующие исторические периоды. «Торговля» правами на земельные уделы, а также прочими привилегиями в виде ханских ярлыков была характерным явлением и в золотоордынскую эпоху. «При монголах, в частности в Золотой Орде, ханской властью раздавалось огромное количество земель с сидевшими на них крестьянами, причем в ряде случаев дарственные ярлыки сопровождалась ярлыками тарханными, т.е. грамотами, освобождавшими население данного суюргалья от всех или большинства повинностей в пользу государства и, тем самым, предоставлявшими большую часть прибавочного продукта непосредственного производителя в пользу феодального владельца суюргалья»¹⁸.

Представляется, что подобного рода права и привилегии получала и болгаро-чувашская знать. Этому способствовал особый

статус Булгарского княжества при хане Бату, временно сделавшим его экономико-административным центром своих обширных владений. Широко известно экономическое процветание здешнего края в данный период. Несомненно и то, что важную роль в этом сыграла политика различных пожалований местным феодалам. Более того, как полагает В.Д.Димитриев, монголо-татары использовали болгарскую элиту в управлении марийцами, удмуртами, коми, в частности, в сборе с них дани, т.к. не любили заезжать в лесные районы и не знали финских языков¹⁹.

Аналогичным образом фиксировались права феодалов и в Казанском ханстве. Здесь ханские ярлыки выдавались местным феодалам за несение военной и иной службы. Весьма интересен тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея семи местным феодалам, датированный 1523 г.²⁰ Он дает представление не только о важной функции подобных документов, подтверждающих особые права владельцев, но и наглядно демонстрирует необходимость сохранения данных правовых актов в архивах их владельцев. Так, в преамбуле обращает на себя внимание свидетельство о наличии более ранних документов: «[...] Эти семь человек, пришедши к нам, били челом, что они были тарханами прежних наших старших ханов; мы вновь, пожаловав упомянутых лиц во имя великого бога и ради пророка Мухаммеда, сделали их тарханами»²¹.

В то же время, как отмечает В.Д.Димитриев, «после геноцида XIII, затем второй половины XIV – начала XV вв. чувашская элита ослабла». Она была представлена лишь сотными, десятными и незначительным количеством окружных князей, подчинявшихся ханской администрации²².

С утверждением в крае русской администрации процесс формирования подобных частновладельческих документальных комплексов еще более активизировался. Колонизация присоединенных территорий Казанского и Астраханского ханств сопровождалась, как известно, раздачей земель и различных привилегий за службу. Причем в первую очередь новая власть была

заинтересована в привлечении на свою сторону местной знати. «Соблазняясь богатствами сего мира, получив крестьян и чины, они отступали от своей веры», указывается в «Татарской летописи» – рукописном сборнике 1864 г. некоего Нурмухамета, сына Азмедзяна²³. Далее в этом же источнике сообщается о переходе на царскую службу населения Уфимского юрта: «Они все от русских получили грамоты, наверное и сегодня эти бумаги можно будет розыскать, а также наверное отмечено это в книгах русских»²⁴.

И действительно подобные документы, в том числе относящиеся к чувашскому краю, сохранились. Особый интерес в этой связи представляет уставная грамота Ивана Грозного Верхней Сундырской и Ишлейской волостям 1574 года, опубликованная В.Д.Димитриевым²⁵. При этом, как убедительно доказывает историк, текст документа носил типовой характер, что позволяет говорить о нем как о грамоте всей Казанской земле²⁶. В данном правовом акте нашли отражение повинности населения, несение ратной службы, отправление судопроизводства и полицейские меры против активных участников антифеодальной и антиправительственной борьбы²⁷.

«Согласно грамоте, подчеркивает ученый, во главе Верхней Сундырской волости выступает десятный князь Ертоул, во главе Ишлейской волости – Килдиш Енаев. Они, по-видимому, являлись волостными сотниками. Ертоул носит титул десятного князя. Из русских летописей хорошо известно, что в Казанском ханстве из чувашей и марийцев были сотенные и десятные князья. Некоторые из них сохранили свои звания и после присоединения Казанского ханства к России и обычно возглавляли волости»²⁸. Именно данная категория служилых чуваш и марийцев выступает фондообразователями частновладельческих архивов в крае. На это указывает и концовка документа, в которой говорится: «А прочитати сю нашу жалованную уставную грамоту бояром и воеводам нашим казанским и свияжским и чебоксарским отдавать им назад десятному князю Ертоулу да Килдешу Енаеву с товарищи для иных наших

бояр». И далее в плохо сохранившемся из-за ветхости документа тексте есть указание: «...они себе держать...»²⁹, т.е. очевидно хранить эту грамоту в целях подтверждения своих прав и соблюдения перечисленных в ней условий³⁰.

В XVI – XVII вв. статус и без того немногочисленной феодальной верхушки из чувашей постепенно менялся. Длительная борьба с сепаратистскими феодальными движениями в Среднем Поволжье, как указывает В.Д. Дмитриев, побуждала царское правительство к принятию различных превентивных мер, в том числе к русификации местной знати, ее подкупу или запугиванию и, по возможности, низведения до положения тягового сословия. В итоге, царским указом от 28 января 1698 г. большинство тарханов и мурз из чувашей, мордвы и марийцев было переведено в число ясачных крестьян³¹. Однако они продолжали хранить довольно значительное количество документов, свидетельствовавших о их правах на землю и прочую собственность, которые и становились основой архивов местных крестьянских общин.

Кроме того, «общины или группы крестьян, пожелавшие расширить свои земельные владения за счет незанятых земель или переселиться в «дикое поле» в порядке колонизации, должны были получить жалованные грамоты или другие документы на владение новыми участками или оброке»³². Это обстоятельство также сыграло важную роль в формировании определенных документальных комплексов у местных чуваш.

Составляя особую группу частновладельческих архивов, подобные собрания документов, к сожалению, пока еще не стали предметом специального исследования. Отчасти это вызвано их плохой сохранностью и, очевидно, относительной немногочисленностью свидетельств о них. Кроме того, их специальное выявление и изучение с точки зрения развития архивного дела не проводилось ни в досоветский, ни в советский периоды.

Хотя о существовании такого рода документальных комплексов было известно исследователям еще в XIX – начале XX вв., впервые

как массовое явление это отметил В.Д.Димитриев, исследовавший вопросы земельных отношений в крае. Так, им было подмечено, что «как и у бывших черносошных крестьян Севера, у чувашских крестьян даже во второй половине XIX в. хранились целые собрания земельных документов XVI—XVIII вв., уже потерявших свое значение после выдачи селениям уставных грамот в 60—70-х гг. XIX столетия». То, что это явление носило отнюдь неслучайный характер, ученый подтверждает письменными источниками: «Архивные документы свидетельствуют о том, что в старину чувашские крестьяне очень бережно хранили земельные документы, отдавая их в руки самых авторитетных и надежных членов общин. Так, например, дд. Карамышево, Инель Багильдино тож, Шеменево, Карачево, Бишево и Байгулово Свияжского уезда хранили документы на пашни, сенокосы, леса и рыбные ловли в трех свертках, один из которых представлял собой владенную выпись с писцовых книг 1566—1568 гг., т.е. первой писцовой переписи, проведенной царской администрацией в Свияжском уезде. В начале XVIII в., 1728 г., эти документы находились на хранении у Каруги Атеева, крестьянина из д.Багильдина. После его смерти они были переданы крестьянину д.Бишева Кулмекею Кулбарысову, который хранил их в двух специальных ящиках».³³

Еще об одном факте существования архива у крестьянской общины свидетельствует опубликованное Г.А.Николаевым этнографическое сочинение А.П.Петрова, уроженца д.Новое Изамбаево Алькеевской волости Тетюшского уезда Казанской губернии «О сельской поземельной общине», датированное не ранее 1911 года.³⁴

Прежде всего обращают на себя внимание ссылки автора очерка на источники полученных им сведений. Это не менее шести копий «старых документов»³⁵ и «легендарные вымыслы» местных жителей³⁶. Вот что он сообщает об имевшихся в его распоряжении письменных свидетельствах и их владельцах: «Жители деревни Новой Изамбаевой Алькеевской волости Тетюшского уезда [Казанской губернии] принадлежат к казенным, государственным,

крестьянам. О наделении их землею и об основателе селения сведения мы почерпаем из документов, один из которых относится к 1657 году». Земля была пожалована «Свияжского уезду, Андреевские волости, деревни Шутнеревы, служилому чувашенину Исенбайку Янбаеву да ясашным чуваше тое-же деревни Янсубайку Исенякову с товарищи»³⁷.

Им была выдана соответствующая «владельная выпись». Кроме того, «будет та земля истари в трех урочищах и спору о той земелни с кем нет, — зафиксировано в документе, — и им, Исенбайку да Янсубайку с товарищи, тою пашенею и санными покосы владеть и с той земли великаго государя в казну старый ясак да новые наддачи хлебнаго и денежнаго ясаку два двора с полудвором платить по все годы, а ему, Исенбайку, с той земли великаго государя служба служить»³⁸. Как указывает А.П.Петров, согласно царскому указу Исенбайка «получил со своими братьями громадную площадь земли», где «ютились тогда два двора с полудвором, которые к настоящему времени размножились до 49 дворов»³⁹.

Особо необходимо подчеркнуть, что потомки Исенбайки Янбаева бережно хранили свои документы более 250 лет!

Схожую ситуацию с хранением древних документов в чувашской крестьянской общине можно наблюдать и в других населенных пунктах Чувашии. Причем в ряде случаев мы сталкиваемся еще и с фактами их практического использования в интересах владельцев.

Так, в 1705 г. в ходе тяжбы между крестьянами чувашских селений Кокшайского уезда и Кошкинской и Рунгинской волостей Цивильского уезда последние заявили, что «... из того де лесу кто где у своей деревни розчистит, тут и живет и пашет и сено косит, а крепки де им те леса со всякими угодыи по старинным крепостям, как они жили за казанскими татараы». В подтверждение этого «ответчики деревни Кошки и деревни Рунги чуваша Кулчей Тометев с товарищи подали три писма татарские, и те писма Свияжскаго уезду татарин деревни Нурлатовы абай Сапар Пимофеев сын Чураев перевел на руское письмо»⁴⁰.

Состав и содержание документов подобных «общинных архивов» мы можем проследить на примере селений Оринино Козьмодемьянского уезда и Хоракасы Цивильского уезда Казанской губернии (ныне Чебоксарский район Чувашской Республики). Они также были использованы в ходе земельного спора. Комплекс этих документов был подробно изучен и опубликован В.Д.Димитриевым.⁴¹

Вкратце суть дела такова. В 1726–1727 гг. между крестьянскими общинами селений Оринино Козьмодемьянского уезда и Хоракасы Цивильского уезда произошли кровавые столкновения за землю, переросшие затем в длительную судебную тяжбу. Как указывает В.Д.Димитриев, ориинцами, пытавшимися доказать свое право на владение спорными землями, в 1727 г. в ходе разбирательства были представлены в Свяжскую провинциальную, а затем в Казанскую губернскую канцелярии подлинники документов на татарском и русском языках. Причем, по мнению исследователя «подлинность документов, предъявленных ориинцами, не вызывает никаких сомнений».⁴²

Несмотря на небольшое количество документов (всего 7), их хронологические рамки весьма широки: XVI – начало XVII вв. Причем четыре из них (три купчих и одно мировое письмо) составлены на татарском языке и датированы 1538/39 г., 1562/63 г., а также второй половиной XVI в., т.е. временем, предшествовавшим утверждению русской администрации в крае, и периодом ее закрепления здесь. Интересен их видовой состав: три письма о продаже земли (купчие), три мировые записи и одна выписка из дозорной и отказной книги. При этом четыре документа носят частный характер и составлены не в официальном порядке, а три – оформлены в органах управления⁴³.

Как видно из приведенных данных, три документа связаны с продажей земли. По очень важному наблюдению В.Д.Димитриева ни в одном из них «мы не находим указания на то, что сделка ведется между представителями феодальной знати»⁴⁴, т.е. в процессе

документирования, а также в последующем хранении документов задействованы исключительно представители крестьянской общины!

Тяжба завершилась лишь в 1740 г. в пользу жителей д.Хоракасы. Все делопроизводство по ней, сохранившееся в архиве Вотчинной коллегии, составляет 216 листов. «Между прочим, — подчеркивает В.Д.Димитриев, — выписи из этого делопроизводства *хранились у крестьян Козьмодемьянского уезда*» и в середине XIX в. были скопированы, а затем представлены в Русское географическое общество первым чувашским историком и этнографом С.М.Михайловым». ⁴⁵

Использование хранимых чувашской крестьянской общиной старинных документов мы наблюдаем и в тяжбе ясачных чувашей д.Рунги Симбирского уезда с помещиком В.Л.Есиповым в 1719 г. И в этом случае «крестьяне предъявили грамоту, согласно которой вся территория общины, включая и захваченные помещиком земли, была отведена этой деревне в середине XVII в. и должна была бесспорно принадлежать ей» ⁴⁶.

Подобные факты не следует считать чем-то исключительным. Очевидно их можно рассматривать как весьма распространенное явление в крае, обусловленное спецификой сложившихся здесь земельно-имущественных отношений. «За ясачными общинами, указывает В.Д.Димитриев, еще в период Казанского ханства, а также в XVI–XVII вв. были закреплены занимаемые ими ранее территории с лесами, лугами, обработанными под распашку полями, бортными ухозяями, хмелевыми угодьями, рыбными ловлями, бобровыми гонами и проч.» ⁴⁷.

Приведенные данные позволяют достаточно полно представить процессы формирования подобных архивов, их состав и содержание, способы хранения документов и характер использования. В целом процедура получения ясачными чувашами документов на владение угодьями соответствовала сложившейся государственной практике. Однако если само складывание архивных комплексов было вполне

типичным, то организация и способ их хранения (документы передавались не по наследству, а доверялись наиболее уважаемым представителям крестьянской общины; их держали в специальных ящиках, о существовании документов до определенного времени нельзя было никому говорить) вызывает безусловный интерес. Находящиеся у чувашских крестьян письменные свидетельства играли исключительно важную роль в их жизни. Поэтому понятна и та тщательность, с которой общинники к ним относились. «Поскольку потеря земельной крепости могла привести к лишению права на владение землей, крестьяне хранили такие документы очень бережно»⁴⁸.

Таким образом, также как и имущие сословия ясачные чуваша испытывали потребность в сохранении документов, фиксирующих их права на земельную собственность и факты хозяйственной деятельности, что способствовало формированию особого рода частновладельческих документальных комплексов – крестьянских общинных архивов. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют идентифицировать их как семейно-родовую разновидность фамильных архивов, а само их существование следует рассматривать как весьма интересное явление в региональном архивоведении.

Примечания

¹ *Игнатьева О.В.* Новые подходы к проблеме комплектования документами Архивного фонда Чувашской Республики (Из опыта работы архивных учреждений Чувашии) // Информационные ресурсы Архивного фонда Чувашской Республики как фактор общественного развития. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Чебоксары: Госкомархив Чувашии, 2003. С.129 – 133; *Она же.* Общественные акции по пополнению информационных ресурсов Чувашской Республики // Отечественные архивы. 2004. № 1. С.30–34.

² *Ермолаев П.Ф.* Архивные фонды личного происхождения, хранящиеся в Центральном государственном архиве Чувашской АССР // История, этнография, социология: Ученые зап. ЧНИИ. Чебоксары, 1967. Вып. 36. С. 261–262.

³ *Димитриев В.Д.* Заметки о личном архиве И.Я.Яковлева // О дореволюционной культуре чувашского народа: Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1957. Вып. 15. С.221 – 236; *Димитриев В.Д.* О личном архиве И.Я.Яковлева // Советская педагогика. 1958. № 9. С.93–100;

⁴ Гусаров Ю.В. К вопросу о частных книжных собраниях в Чувашском крае первой половины XIX века. Библиотека Н.С.Арцыбышева. // Из истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1992. С.112 – 113; Гусаров Ю.В. Цивильский затворник. Очерк жизни и творческой деятельности Н.С.Арцыбышева. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С.7, 60 – 61.

⁵ Рукописный фонд Н.В.Никольского. Путеводитель. – Чебоксары: ЧГИГН, 2005. – 402 с.

⁶ Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР (Опыт систематического руководства). Часть первая. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. М.: 1941. С. 316–317.

⁷ Петровская И.Ф. Об изучении поместно-вотчинных архивных фондов XVIII – первой половины XIX в. // Проблемы источниковедения. Вып. VI. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С.56.

⁸ Шпилевский С.М. О задачах деятельности казанского Общества археологии, истории и этнографии и возможном содействии обществу со стороны жителей местного края // Известия ОАИЭ. Т.III. С.23.

⁹ Открытие Симбирской ученой архивной комиссии. – Симбирск, 1895. С.5–6.

¹⁰ В настоящее время в ГАУО хранится около сорока архивных фондов представителей дворянства Симбирской губернии (Государственный архив Ульяновской области. Путеводитель. Ульяновск, 1966.65 – 69, 208 – 215).

¹¹ Шведова О.И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // Археографический ежегодник за 1957 год. М.: Наука, 1958. С.377 – 433. См. также: Зерцалов А. Сборник материалов для истории Симбирского края с XVI до первой половины XVIII в. Под ред. В.Э. Красовского. Симбирск, 1900; Мартынов П. Боярин Богдан Матвеевич Хитрово, симбирский помещик. Симбирск, 1901; Он же. Селения Симбирского уезда. (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1904, 334, 198, 67, 3 нн, XIII стр.; Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. ТТ. II—VI. Симбирск, 1898—1912; Т. II. Поливанов В. Н. и Красовский В. Э. Собрание актов XVII и начала XVIII вв., В. П. Мешеринова, П. В. Анненкова, А. В. Толстого, Л. А. Прушакевича и др. 1898, V, 183, X, 7, VIII стр.; Т. III. То же 1902. 107, 7 стр.; Т. IV. Архив А. П. Языкова. Разобран и приготовлен к изд. П. Мартыновым. 1904, 3 нн, 654, XXVI стр.; Т. V. Архив Павла Сергеевича Таушева. Разобрано и приготовлено к печати П. Мартыновым. 1912, 338, 11 стр.; Т. VI. Архивы Сергея Александровича Пантусова и Александра Сергеевича Волкова. Разобрано и приготовлено к изданию П. Мартыновым. 1912 (на обл. 1914), 312, XVIII, XIV стр.; Поливанов В.Н. Материалы к истории симбирского дворянства. 1781 — 1900. Симбирск, 1900, 181 стр., 1 л. илл.

- ¹² Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней // Труды ВНИИДАД. Т.VIII. Часть 1. М.: 1979. С.18.
- ¹³ История Европы. Т.2. М.: «Наука», 1992. С. 473.
- ¹⁴ *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. 3-е изд., перераб. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2003. С.276.
- ¹⁵ Там же. С.276.
- ¹⁶ Там же. С.276.
- ¹⁷ Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней... С.89.
- ¹⁸ *Греков Б., Якубовский А.* Золотая Орда (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII – XIV вв.). Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – С.102–103.
- ¹⁹ *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: Сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С.76.
- ²⁰ Новое о прошлом нашей страны. М.: 1967. С.108–109.
- ²¹ История Татарии в материалах и документах. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С.101.
- ²² *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза ... С.95.
- ²³ История Татарии в материалах и документах.. С.123.
- ²⁴ Там же. С.124.
- ²⁵ *Димитриев В.Д.* Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI– XVII веков // Ученые записки ЧНИИЯЛИЭ. Вып. XXII. Чебоксары: 1963. С.133–136.
- ²⁶ *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI– начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С.68.
- ²⁷ *Димитриев В.Д.* Документы по истории народов Среднего Поволжья ... С.131–132.
- ²⁸ Там же. С.131.
- ²⁹ Там же. С.136.
- ³⁰ Формула «а они бы у себя держали и впредь для иных наших воевод и приказных людей» очевидно являлась устоявшимся языковым штампом в делопроизводстве того времени. См., например, указную с прочетом грамоту из Казанского дворца алатырскому воеводе Ф.И.Нащокину от 1 марта 1639 г., хранящуюся в ГИА ЧР (Ф.244. Оп.3. Ед.хр.1; опубликована в кн.: «Алатырь. Летопись города. Факты, события, воспоминания, фотографии. Часть первая. XVI– начало XX века». Алатырь, 2002. С.25.)
- ³¹ *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века (до Крестьянской войны 1773 – 1775 годов). – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1959. С.35 – 36.
- ³² Там же. С.36.
- ³³ Там же. С.75.

³⁴ Николаев Г.А. Внутренняя жизнь чувашской крестьянской общины Среднего Поволжья рубежа XIX–XX столетий: свидетельство современника // Марийский археографический вестник . 2004. № 14. С.159–175.

³⁵ Там же. С.175.

³⁶ Там же. С.163.

³⁷ Там же. С.162.

³⁸ Там же. С.163.

³⁹ Там же. С.163.

⁴⁰ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века ... С.75.

⁴¹ Димитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья ... С.106–126.

⁴² Там же. С.106 – 107.

⁴³ Там же. С.111.

⁴⁴ Там же. С.113.

⁴⁵ Там же. С.106.

⁴⁶ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века ... С.69.

⁴⁷ Там же. С.64.

⁴⁸ Там же. С.63.

Е.Л.Лантева

ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЫВШИХ ПАРТИЙНЫХ АРХИВОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX ВЕКА

Государственные архивы России являются ценнейшими хранилищами документной информации о прошлом нашей страны, о революционных, боевых и трудовых буднях народа, о науке и культуре, о строительстве демократического общества и о всестороннем развитии многонационального государства. Важные источники были сохранены в партийных архивах.

История создания партийных архивов берет свое начало с дореволюционного периода. Велика роль и значение таких архивов, как архив РСДРП в Женеве, Парижский архив РСДРП, Краковско-Поронинский архив и др., которые заложили основы будущего Архивного фонда КПСС. В советский период перед партией встала